

Важность укрепления сектора обороны для республики Молдовы

Ион ЦИНЕВСКИ,
Эксперт Платформы Инициатив в области
Безопасности и Оборона

МАТЕРИАЛ РАЗРАБОТАН В КОНТЕКСТЕ ПРОЕКТА «ИНФОРМАЦИОННАЯ КАМПАНИЯ ПО ЗАДАЧАМ ПОЛИТИК В ОБЛАСТИ БЕЗОПАСНОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ МОЛДОВА», РЕАЛИЗУЕМОГО ПЛАТФОРМОЙ ПО ИНИЦИАТИВАМ В ОБЛАСТИ БЕЗОПАСНОСТИ И ОБОРОНЫ (ПИСА) И ПОДДЕРЖИВАЕМОГО ЖЕНЕВСКИМ ЦЕНТРОМ ПО УПРАВЛЕНИЮ СЕКТОРОМ БЕЗОПАСНОСТИ (DCAF), В РАМКАХ ПРОЕКТА «УКРЕПЛЕНИЕ УПРАВЛЕНИЯ СЕКТОРОМ БЕЗОПАСНОСТИ В МОЛДОВЕ», ФИНАНСИРУЕМОГО ШВЕДИЕЙ.

Актуальная проблема в области национальной безопасности

Основная проблема безопасности Республики Молдова связана с ограниченной способностью национального сектора обороны отвечать на военную угрозу со стороны Российской Федерации. Это связано с тем, что этот сектор (оборона) был хронической слабостью национальной политики с момента обретения независимости. Проблема игнорирования и недофинансирования сектора обороны тесно связана с военным конфликтом на Днестре — печальным эпизодом в национальной истории — и его последующими последствиями. Негативные эффекты (как и сам военный конфликт) являются результатом регионального геополитического контекста и сам конфликт не мог бы произойти без участия Российской Федерации. Это упоминание является существенным, особенно учитывая, что враждебные намерения Москвы сохранялись все эти годы, если анализировать ситуацию через призму текущих региональных событий.

Добившись своей цели по созданию конфликта в восточном регионе Молдовы (то же самое было сделано и в других районах бассейна Черного моря, но не удалось в странах Балтии), Россия легко (с некоторыми исключениями) навязала свои правила игры Кишиневу. Среди них так называемая «миротворческая миссия», которая служит прикрытием для поддержания военного присутствия (в том числе незаконного) и навязывания статуса постоянного нейтралитета. Одновременно, используя информационное пространство (контролируемое Москвой на протяжении десятилетий), шпионские сети, энергетический и экономический шантаж, и, что немаловажно, поддержку местных политических и экономических элит, Россия продолжала подрывать имидж Республики Молдова как на международном уровне, так и внутри страны (в глазах собственных граждан).

Ослабление национальных оборонных возможностей было одной из основных линий российских усилий по дискредитации имиджа страны и, соответственно, сохранению влияния над ней. Навязывание статуса постоянного нейтралитета было решающим в этом отношении, а одна из скрытых целей этой меры с стратегическим воздействием

продолжает ощущаться на протяжении следующих десятилетий.

Чтобы подтвердить причинно-следственную связь и негативные последствия нейтралитета для развития военного сектора, достаточно проследить болезненные реакции Москвы и её местных сторонников на любую историческую попытку вовлечения Национальной армии в стратегические партнерства, которые позволили бы укрепить оборонные возможности.

Почему развитие оборонного сектора было подорвано Россией? Потому что, исходя из практики формирования и функционирования государственного механизма, этот сектор представляет собой его «позвоночник», который в случае с Молдовой помешал бы Москве в достижении ее собственной стратегической цели (это актуально не только для Молдовы, но и для других стран бывшего СССР) – поддержание контроля над тем, что считается ее зоной влияния. Оборонный сектор (в случае с Молдовой представленный Вооруженными силами) является одной из главных государственных сфер, которые обеспечивают предпосылки для устойчивого и многостороннего развития государства – наряду с дипломатической, информационной и экономической сферами [2]. Хотя развитие государства зависит от функционирования всех четырех сфер в целом, военная сфера является приоритетной в том смысле, что благодаря своей роли она обеспечивает условия для эффективного функционирования остальных. Таким образом, ослабляя обороноспособность Молдовы, Россия стремится (и частично добивается) создать многомерный дисбаланс в нашем государстве. К сожалению, негативное влияние этой стратегии, ощущаемое молдавским обществом, никогда не было полностью осознано.

Роль Стратегии национальной безопасности в контексте региональных геополитических вызовов

15.12.2023, в соответствии с НР № 391/2023, была утверждена Стратегия национальной безопасности Республики Молдова (СНБ). Почему СНБ важна с точки зрения укрепления суверенитета и независимости государства? Потому что она затрагивает проблему сектора безопасности и обороны (включая изложенную выше) и отражает концепцию национальной

[1] Reintegrarea instrumentului militar în actul de guvernare strategică – necesitate vitală a statului Republica Moldova, IEACR. <https://euroatlantic.md/ro/post/reintegrarea-instrumentului-militar-in-actul-de-guvernare-strategica-%E2%80%93-necesitate-vitala-a-statului-republica-moldova-14>

[2] HP Nr. HP391/2023 din 15.12.2023 privind aprobarea Strategiei securității naționale a Republicii Moldova, pct. 28.1. https://www.presedinte.md/app/webroot/uploaded/Proiect%20SSN_2023.pdf

устойчивости по отношению к этой проблеме. Направления действий СНБ отдают приоритет национальной обороне, помещая её на первое место в списке направлений действий [3].

Помимо нормативного и функционального воздействия СНБ на государственный механизм, практика процесса разработки Стратегии демонстрирует определенные успехи в области национальной культуры стратегического планирования. Важным аспектом является использование комплексного и всестороннего (мультисекторального) подхода при разработке и реализации национальных политик. Не менее важно, что впервые в истории Республики Молдова открыто упоминается что Российская Федерация является самая большая угроза суверенитету и независимости Республики Молдова.

Разработка и утверждение Стратегии приветствуется также с точки зрения синхронизации усилий национальных институтов, ответственных за безопасность государства. Сам процесс инициации и разработки является интеллектуальным упражнением по укреплению культуры стратегического планирования. Также следует отметить, что наряду с государственными институтами методология процесса работы обеспечила активное участие гражданского общества и академической среды, что положительно сказалось не только на качестве документа, но и на индексе хорошего управления в области безопасности.

Еще один положительный аспект связан с созданием национальной рамки стратегического планирования в области безопасности и обороны. Определяя секторальные направления действий, СНБ устанавливает условия в отношении последующих обязанностей учреждений, таким образом формулируя модель поэтапного (и взаимозависимого) подхода к планированию и реализации политики в области безопасности и обороны [4].

Другими словами, СНС является генератором цикла стратегического планирования политики в

области безопасности и обороны. После утверждения она обеспечивает разработку других подчиненных документов (в области обороны, общественного порядка, дипломатии, экономики и т.д.)

Поэтапный подход в планировании и реализации политики безопасности и обороны не является новшеством. Эта практика существует в большинстве западных стран, и её цель состоит, с одной стороны, в распределении/установлении обязанностей между ответственными учреждениями, а с другой стороны, в обеспечении принципа равновесия и контроля. Конфигурация Вооружённых сил — основного компонента оборонного сектора — определяется завершением указанного цикла [5].

Текущее положение в области реформы оборонного сектора

Хотя СНС устанавливает общие направления для развития Вооружённых сил, их реализация на секторальном уровне сталкивается с определенными трудностями. Это обусловлено тем, что значительная часть правительственных действий в области обороны началась еще в 2022 году, непосредственно после вторжения России в Украину.

Во-первых, текущие усилия национальных властей (по крайней мере, те, которые получили широкий резонанс) свидетельствуют о том, что приоритет государства в отношении развития Вооружённых сил ориентирован на

долгосрочную перспективу. Ряд мер, предпринятых властями Кишинева, демонстрируют выбор стратегии стандартного развития оборонной способности, что предполагает комплексный и постепенный подход, возможный в долгосрочной перспективе и при благоприятном контексте безопасности. Например, приобретение сложных военных оборонных систем (например, радиолокационных систем), хотя и необходимо, вызывает вопросы с точки зрения приоритетности усилий и ресурсов. Это потому, что внедрение данных мер требуют временного горизонта, выходящего за рамки текущих (и срочных) потребностей в области безопасности, и потребление ценных институциональными ресурсами, которые могли бы быть направлены на той области реформы, отвечающие на срочные угрозы, такие как наземное военное вторжение.

Также стоит обсуждать подход к системе мобилизации резервистов Республики Молдова.

[3] HP Nr. HP391/2023 din 15.12.2023 privind aprobarea Strategiei securității naționale a Republicii Moldova, pct. 28.1. https://www.presedinte.md/app/webroot/uploaded/Proiect%20SSN_2023.pdf

[4] HP Nr. 345 din 25-07-2003 cu privire la apărarea națională, Art.364. (1). https://www.legis.md/cautare/getResults?doc_id=110393&lang=ro

[5] Rainey J., Potter L. Delivering The Army Of 2030. Texas National Security Review, August 6, 2023. <https://warontherocks.com/2023/08/delivering-the-army-of-2030/>

В то время как национальные власти продолжают усилия по «оживлению» этой системы, необходимо тщательно проанализировать следующие критические аспекты. Концепция системы мобилизации (аналогичная военной, реформа которой продолжается уже более 20 лет), «унаследована» от бывшего Советского Союза.

Релевантность этой Концепции была обоснована специфическими параметрами деятельности в те времена, однако они совершенно не соответствуют текущему контексту безопасности. Прежде всего, для функциональности активной фазы мобилизации военных действий необходимы разумные географические параметры. В отличие от Украины, государства с территорией выше среднего уровня для Европы, географическое пространство Республики Молдова не обеспечивает необходимую стратегическую глубину в условиях текущего контекста безопасности. Далее, концепция общей обороны (total defense), пропагандируемая Военной доктриной Республики Молдова [6] (на которой, кажется, делается акцент через упражнение мобилизации резервистов), была практически отменена в 2011 году вместе с ликвидацией пограничных войск (в контексте реформы пограничной полиции). В условиях ограниченной стратегической глубины (в случае Молдовы стратегическая глубина представляет собой расстояние от ближайшей границы до столицы Кишинева), расположение бывших пограничных войск обеспечивало минимальные условия для организации обороны и, следовательно, мобилизации резервов. Отсутствие этих сил (пограничных войск) требует пересмотра концепции общей обороны и, следовательно, мобилизации резервов обороны. В то же время это ставит задачу создания активных сил с высоким уровнем реагирования и мобильности, которые могли бы компенсировать (уменьшить) уязвимость, обусловленную географическими ограничениями [7].

В том же духе, позиционная оборона (или даже позиционные военные действия) [8] — скорее характерная практика классической войны — маловероятна в контексте Республики Молдова. Хотя она была актуальна во время военного конфликта 1992 года, эта аналогия больше не применима в условиях, когда

геополитические намерения Москвы существенно отличаются. Опыт Украины подтверждает актуальность асимметричного ответа на превосходство численных и технических возможностей противника.

В то же время, если обратиться к опыту наших соседей, можно увидеть, что успех на поле боя зависит от опыта и уровня подготовки боевых сил. Антиципируя реакцию Вооружённых сил в случае наземного вторжения, вероятно, будет необходимо нанести быстрый и решительный ответ противникам. Это требует профессионализации активных боевых сил, которые в настоящее время в значительной мере состоят из срочнотрудовых.

Данная мера должна быть реализована в приоритетном порядке незамедлительно, несмотря на любые затраты.

В настоящее время короткий срок службы срочнотрудовых налагает ряд ограничений на возможности военного обучения. Особенно пострадают их направления на международные миссии и учения, что считается неэффективным с точки зрения затрат и результативности. Также ежегодная ротация срочнотрудовых (замена контингентов) нарушает оперативные возможности активного боевого состава. Наконец, затруднена сотрудничество с западными партнёрами, поскольку подвергается угрозе цель повышения совместимости с ними. В настоящее время деятельность в этой области ограничивается узким спектром военных подразделений, хотя она может быть расширена в рамках предлагаемой меры.

Выводы и рекомендации

Основная проблема безопасности Республики Молдова связана с ограниченными способностями оборонительного сектора справиться с военной угрозой со стороны Российской Федерации. Ряд национальных усилий направлены на устранение этой проблемы, включая ускорение процесса разработки стратегических документов в области безопасности и обороны. Однако, несмотря на то, что основной документ — Стратегия национальной безопасности (СНБ) — определяет общие направления в области обороны, рекомендуется пересмотреть некоторые из них, особенно те, которые имеют долгосрочную перспективу реализации (например, до 2030 года).

[7] Guvernarea Sectorului de Securitate în Moldova, DCAF, p. 101-106: https://pisa.md/wp-content/uploads/2024/03/Raport_PISA_DCAF_SE_2024_ro-1.pdf

[6] Hotărîrea Parlamentului. Nr. 482 din 06.06.1995 privind Doctrina militară a Republicii Moldova. lex.justice.md/index.php?action=view&view=doc&id=306988

[8] Pieter Garicano et al. Positional Warfare in Alexander Svechin's Strategy. War studies occasional paper series, April 2024. https://www.understandingwar.org/sites/default/files/ISW%20Positional%20Warfare%20in%20Alexander%20Svechin%27s%20Strategy_4.30.24.pdf

Пересмотр обусловлен волатильностью и непредсказуемостью военных действий на украинском фронте и направлен на повышение устойчивости в случае самого темного сценария — вероятность вторжения сухопутных войск.

Национальная деятельность в области обороны стремится к переходу от устаревшей военной системы, унаследованной из советского периода, основанной на отдельных фрагментах классических военных возможностей, к современной системе, способной не только отвечать требованиям безопасности, но и быстро адаптироваться и трансформироваться при необходимости. Процесс реформы предполагает отказ от операционных процедур и вооружения, замедляющих скорость и проекцию силы. Иными словами, если старая военная система была предназначена для классической обороны (позиционной), то новая структура нацелена на агильность (высокая мобильность), направленность к мгновенному вмешательству, дестабилизации и поражению центра тяжести противника в случае вторжения.

Реализация этой концепции и частичное решение национальных проблем безопасности зависят в большей степени от политической воли в Кишинёве, нежели от внешней помощи, поскольку она в значительной мере связана с полной профессионализацией активного боевого состава. Рассматривая проблему через призму трёх измерений вооружённых сил — человеческого, процедурного и технического — обеспечение первого становится срочным приоритетом, так как оно определяет развитие последующих двух. Эта мера принесёт ряд стратегических выгод — краткосрочное военное устрашение и завершение реформы вооружённых сил в оптимальные сроки (существенно сократив первоначально запланированные сроки), а также обеспечение непрерывности процесса европейской интеграции (в случае риска её нарушения военными действиями).

Хотя предлагаемые рекомендации требуют смелых решений, они абсолютно необходимы в случае стремления к максимальному снижению риска военного вторжения. На усмотрение национальных решающих факторов остаётся выбор между двумя курсами действий: взятие на себя инициативы через немедленные инвестиции в профессионализацию активного боевого

состава с одной стороны, либо риск полагаться на защиту со стороны украинских вооружённых сил с другой стороны. Независимо от выбора, одно из них выигрывает в плане привлекательности, а другое — в плане образа и доверия.

Библиография

1. *Future military scenarios: evolution or revolution?* European Defence Agency. <https://eda.europa.eu/webzine/issue22/cover-story/future-military-scenarios-evolution-revolution>
2. *Garicano P. et al. Positional Warfare in Alexander Svechin's Strategy.* War studies occasional papers series, April 2024. https://www.understandingwar.org/sites/default/files/ISW%20Positional%20Warfare%20in%20Alexander%20Svechin%27s%20Strategy_4.30.24.pdf
3. *Guvernarea Sectorului de Securitate în Moldova.* https://pisa.md/wp-content/uploads/2024/03/Raport_PISA_DCAF_SE_2024_ro-1.pdf
4. *Jhonson R. The future of war: embrace the new, remember the old.* Engelsberg Ideas, July 2022. https://engelsbergideas.com/reviews/the-future-of-war-embrace-the-new-remember-the-old/?gad_source=1&gclid=EAlaIQobChMly7rh2-rwhQMVZEtBAh2hLgGwEAMYASAAEgLIIMPDBwE
5. *Rainey J., Potter L. Delivering The Army Of 2030.* Texas National Security Review, August 6, 2023. <https://warontherocks.com/2023/08/delivering-the-army-of-2030/>
6. *Reintegrarea Instrumentului Militar în actul de guvernare strategică – necesitate vitală a statului Republica Moldova,* IEACR. <https://euroatlantic.md/ro/post/reintegrarea-instrumentului-militar-in-actul-de-guvernare-strategica-%E2%80%93-necesitate-vitala-a-statului-republica-moldova-14>
7. *Saleh Al M. The Global Trends for the Future of the Military Force.* Strategies, December 28, 2021. <https://strategiecs.com/en/analyses/the-global-trends-for-the-future-of-the-military-force>
8. *The Future of Defence.* WIRED. <https://www.wired.com/sponsored/story/the-future-of-defense/>. *The Future of Warfare.* RAND. <https://www.rand.org/paf/projects/future-of-warfare.html>